

**Институт восточных рукописей Российской академии наук
Российское историческое общество**

**Посвящается 200-летнему Юбилею
Азиатского музея/Института восточных рукописей РАН**

Всероссийская научная конференция

**АКАДЕМИК В.П. ВАСИЛЬЕВ (1818-1900) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИТАЯ, ТИБЕТА И МОНГОЛИИ.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.**

**4 апреля 2018 г.
г. Санкт-Петербург**

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Составители: Т. А. Пан, И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
2018

российских представителей в Кульдже, их роли и значения, возможностей влияния на политико-правовую и экономическую обстановку в регионе, особенности отношения к ним цинской администрации и местного населения.

Все эти сведения позволяют убедиться в важности Кульджи как региона-«посредника» в русско-китайских отношениях, специфике его «переходного» правового статуса и особом отношении к российским представителям со стороны местной администрации и населения. Эти факторы, а также заинтересованность русских властей и торговых кругов в поддержании и развитии торговли с Китаем именно через Кульджу способствовали формированию особого положения региона и росту влияния российских дипломатических и торговых представителей в нем. Таким образом, есть все основания считать, что Россия задолго до мусульманского восстания 1860–1870-х гг. имела стратегические (политические и экономические) интересы в этом регионе, и временное установление контроля российских властей над Кульджей в 1871 г. с целью ликвидации угрозы пограничным областям самой России являлось, в принципе, логическим следствием отношений империи с этим регионом, который и в середине XIX в. не воспринимался как часть империи Цин, а, скорее, как некоторое буферное образование. Подобный статус Кульджи, в принципе, является ярким отражением специфики международно-правовых отношений в Центральной Азии в связи с имперской политикой серьезных игроков на политической арене – Российской и Цинской империй, Джунгарского ханства и др. Порой именно длительное сохранение «переходного» правового статуса того или иного региона способствовало признанию его подконтрольности той или иной империи при условии предоставления дополнительных возможностей деятельности в нем и представителей других крупных государств. Подобные примеры дают основание для формирования новых представлений о понимании суверенитета и вассалитета в центрально-азиатских реалиях средневековья и нового времени, которые порой совершенно не вписываются в теоретические концепции, посвященные этим явлениям.

Анализ сведений российских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX вв., следовательно, является убедительным подтверждением утверждений В.П. Васильева о роли и значении Кульджи для Российской империи и о ее отношениях с империей Цин.

Успенский В.Л.

Малоизвестные аспекты научной деятельности академика В.П.Васильева

Академик В.П.Васильев по образованию был монголоведом. Он был направлен в Пекин для подготовки к занятию кафедры тибетологии, которую предполагалось учредить в Казанском университете. Несмотря на то, что во время своего десятилетнего пребывания в Пекине (с 1841 по 1850 гг.) В.П.Васильев готовился стать первым российским профессором-тибетологом, волею обстоятельств по возвращении в Казань он занял китайско-маньчжурскую кафедру и стал основоположником российского научного китаеведения. И прежде всего именно в этом своем качестве он вошел в историю отечественной науки.

Между тем, его деятельность на поприще монголоведения и тибетологии, которая не прекращалась до конца его долгой жизни, не привлекала большого внимания позднейших исследователей, а то и вовсе была забыта.

Прежде всего это относится к собиранию книг на монгольском языке. В.П.Васильев имел возможность тщательно изучить коллекцию монгольских книг, ранее привезенных из Пекина его учителем О.М.Ковалевским. Стремясь дополнить эту коллекцию, В.П.Васильев собрал большое количество монгольских рукописей и

ксилографов, очень редких и уникальных. Жемчужину этой коллекцию представляет собой часть личной библиотеки маньчжурского принца Юньли (1697–1738), семнадцатого сына императора Канси (гг. правл. 1662–1722). Сам В.П.Васильев с гордостью писал об этих книгах: «Конечно, теперь во всех владениях Китайской империи, не только в остальном мире, нельзя встретить уже тех рукописей на монгольском языке, которые хранятся в нашей библиотеке». Однако тот факт, что именно В.П.Васильеву библиотека Санкт-Петербургского университета обязана приобретением этих книг, был основательно забыт.

В центре изучения монголоведов оказалась только одна книга из собрания Юньли – «Двенадцать деяний Будды» в переводе монгольского ученого ламы XIV в. Чойджи-Одсэра. Главной причиной того, что эта рукопись попала в поле зрения исследователей, стал тот факт, что она богато иллюстрирована и переписана очень красивым почерком. Она стала «визитной карточкой» монгольского фонда библиотеки СПбГУ. (Но ни одно из опубликованных исследований этого важнейшего письменного памятника не связывает его появление в России с именем В.П.Васильева!) Монгольские книги из собрания Юньли, которые представляют собой, главным образом, переводы с тибетского языка ценнейших буддийских сочинений, будут предметом изучения еще не одного поколения монголоведов.

В.П.Васильев, будучи деканом Факультета восточных языков, сыграл важную роль в деле приобретения Петербургским университетом в 1892–1894 гг. уникального рукописного Ганджура (буддийского канона) XVII в. на монгольском языке в 113 томах.

Что касается тибетологии, которая должна была стать его основным призванием, то к ней В.П.Васильев обращался постоянно. В Пекине им была собрана замечательная коллекция тибетских книг, в состав которой входит уникальное ксилографическое издание 1476 г. исторического сочинения «Светлое зеркало царских родословных» и многое другое. По его собственным словам, он, «посвящая особенное внимание на изучение тибетского языка, употреблял вместе с тем все усилия к приобретению тибетских книг: он был в сношениях с самыми значительными лицами ламской иерархии в Пекине; не пропускал случая знакомиться со всеми приезжавшими в Пекин из Тибета купцами; делал им заказы, и наконец, имел удовольствие получить значительное количество книг, напечатанных в Хласе и в ее окрестностях». Некоторые сочинения, печатные экземпляры не было возможности купить, были переписаны специально нанятыми переписчиками. В.П. Васильев собрал почти все главные сочинения по истории Тибета и тибетского буддизма и изучил их, о чем свидетельствуют его публикации и архивные материалы. Интересно, что среди его материалов была и биография первого главы буддистов Восточной Сибири бурятского ламы Заяева (1710–1776) на тибетском и монгольском языках.

Во время пребывания в В.П.Васильева в Пекине Российская духовная миссия получила в дар комплект буддийского канона на тибетском языке, который насчитывает 360 томов. Ныне он хранится ИВР РАН. Этот экземпляр буддийского канона сыграл важную роль в развитии отечественных буддологии и тибетологии, поскольку именно его использовали академик Ф.И.Щебатской и представители его научной школы.

Приобретенный в Пекине четырехязычный словарь буддийских терминов «Махавьтпатти» был переведен В.П.Васильевым на русский язык, но не издан. Но были изданы два тома его «Буддизма», основанные, главным образом, на тибетских источниках.

Уже работая в Петербургском университете, В.П.Васильев не расставался с мыслью учреждения тибетской кафедры и даже планировал лично съездить в Тибет, закрытый тогда для европейцев. Причем он планировал ехать в Тибет южным путем – через Кохинхину. В архиве В.П.Васильева среди многочисленных тибетологических материалов хранится рассчитанная на четыре года подробная программа преподавания тибетского языка, истории и литературы Тибета. Разумеется, университетская коллекция

тибетских книг должна была стать базой для реализации этой программы, рассчитанной на четыре года обучения. Как он сам писал ранее, «хотя кафедра этого языка еще не открыта при нашем университете, но мы обладаем для будущности всеми нужными материалами». В 1895 г. была напечатана последняя прижизненная книга В.П.Васильева: «География Тибета», которая представляет собой перевод с тибетского языка сочинения Минджул-хутухты, выполненный им еще во время пребывания в Пекине в 1840-е гг. Но этот перевод снабжен примечаниями, сделанными В.П.Васильевым намного позднее.

В 1892 г., за год до завершения В.П.Васильевым преподавательской карьеры, были составлены новые инвентарные книги университетского собрания рукописей и ксилографов на восточных языках. Сам главный собиратель лично проверил внесенные сведения и сделал в инвентарных книгах свои пометки и примечания. За прошедшие более чем пятьдесят лет он не забыл ни одной книги из своей коллекции.

Цветков Д.В.

Сюжет об отроке Сян То в творчестве И.К.Россохина

В Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук хранится рукопись по названию «Как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Кундзы» (小兒奈夫子)- представляет собой рассказ о беседе Конфуция с мальчиком по имени Сян То (項橐, встречается также вариант написания 項托).

Сян То- легендарный персонаж, фигурирующий во многих классических китайских литературных произведениях- 7 летний мальчик, к которому, будто бы, обращался за наставлениями сам Конфуций. Его происхождение не установлено. Самое раннее упоминание Сян То встречается в тексте «Планы сражающихся царств» (戰國策), где в главе 秦策五, в разделе, повествующем о подготовке нападения Цинь на Чжао, описан диалог между Лю Бувэем и двенадцатилетним юношей Гань Ло. В этом диалоге, Гань Ло говорит, что может помочь Лю Бувэю убедить сына правителя княжества Янь присоединиться к ним и напасть на Чжао вместе. Лю Бувэй с недовольством спрашивает: «Как Вы это сделаете?». Гань Ло отвечает: «Почтенному Сян Ту было семь лет от роду, когда он стал наставником Конфуция. Мне в этом году исполнилось двенадцать лет. Почему бы Вам не дать мне попробовать, зачем просто так ругать?»

Другое упоминание встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня (史記). Причем, Сян Ту упоминается в том же контексте, что и в «Планах сражающихся царств». Совершенно очевидно, что Сыма Цянь дословно цитирует вышеупомянутое произведение.

Сян Ту фигурирует в тексте I в. н.э. «Оценки суждениям» (論衡). «Почтенный Сян Ту, будучи семи лет от роду, наставлял Конфуция. Будучи от природы умным, он в семь лет не учился в школе, а учил Конфуция»

Сян Ту также вскользь упоминается в «Троесловии» (三字經). «В древности, у Чжунни (Конфуция) был учитель Сян Ту, древний совершенномудрый, уважавший усердную учебу».

Еще одно упоминание о Сян То встречается в тексте 春秋后語 в виде цитаты из «Планов Сражающихся царств».

Текст «Как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Конфуциуса» примечателен, прежде всего, тем, что в нем впервые подробно описывается встреча Конфуция с Сян То, в то время как в во всех вышеупомянутых произведениях, описание их общения сводится только в одно предложение.

Оригинальное название данного текста звучит как «小儿奈孔子». По своему жанру, он относится к бьяньвэням. Среди дунхуанских бьяньвэней встречается три его версии. Автор версии, переведенной Россохиным, на данный момент, не установлен. Что касается